

Наконец, согласно тому, что о буквальном смысле было сказано в настоящем комментарии в то время, когда я эту канцону делил на части, я обращаюсь к самой канцоне. Желая, чтобы меня лучше поняли, я говорю, что такое обращение в канцоне называется «торната» [посылка], потому что те исполнители, которые впервые ввели эту форму в обиход, создали ее для того, чтобы, когда канцона вся пропета, можно было частично повторить ее напев. Однако я редко сочинял с этой целью такого рода «повороты» и редко – так, чтобы другие это заметили, – согласовывал их со строением самой канцоны, принимая во внимание ритм, необходимый для музыки. Я сочинял «поворот» лишь тогда, когда для украшения канцоны необходимо было еще что-то сказать независимо от ее содержания, что видно и в этой моей канцоне, и в других. Поэтому я в настоящее время и утверждаю, что возвышенное содержание и красота в каждом ораторском произведении друг от друга отделены и отличны; ибо возвышенное содержание – в смысле, а красота – в словесном украшении; и то и другое связано усладою, хотя возвышенное содержание радует прежде всего. Так как возвышенное и доброе содержание этой канцоны было труднодоступным для многих, особенно по той причине, что я ввел разные персонажи, в ней говорящие, что требует изощренности в разумении, а красота канцоны всем очевидна; поэтому мне кажется, что надлежит обращать больше внимания на прекрасное, чем на доброе и возвышенное, о чем я и говорю в этой части.

Но так как часто случается, что прямое увещание кажется зазнайством, ритор в некоторых случаях обращается к слушателям не непосредственно, но как бы относя свои слова к кому-либо другому. Я здесь придерживаюсь именно этого способа; поскольку слова обращены к канцоне, а я имею в виду людей. Итак, я сказал: «Я полагаю, о канцона, что немногочисленны те, кто правильно тебя поймут. Во-первых, потому, что ты выражаешься „затруднительно“ по причине, указанной выше; во-вторых, потому, что ты выражаешься с резкой силой»; я говорю «резкой», имея в виду новизну сообщаемого. Далее, я увещаю ее: «Если ты невзначай попадешь в такое место, где есть люди, которые, как тебе кажется, сомневаются в твоей правоте, не смущайся, но скажи им: „Так как вы не видите возвышенного моего содержания, обратите по крайней мере внимание на мою красоту“. Я хочу лишь сказать: „О люди, не могущие проникнуть в смысл этой канцоны, не отвергайте ее; но обратите внимание на ее красоту, великую в ее конструкции, которая подлежит суждению грамматиков, на последовательность ее речей, которую должны оценить риторы, на ритмические деления, касающиеся музыкантов“. Все это в ней ясно видно, если посмотреть надлежащим образом. Таков буквальный смысл первой канцоны, которая и разумелась как первое яство.

ХII.

Так как буквальный смысл в достаточной степени уяснен, следует перейти к изложению смысла аллегорического, или истинного. Поэтому, снова возвращаясь к началу, я скажу, что, как только я потерял первую радость моей души, о которой упоминалось выше, меня охватила такая тоска, что всякое утешение было бессильно. Однако через некоторое время мой ум, искавший исцеления, решил, убедившись в бессилии уговоров, как собственных, так и чужих, вернуться к тому способу, к которому прибегали для утешения многие отчаявшиеся; и я принялся за чтение книги Боэция, известной лишь немногим, которой он себя утешил, пребывая в заключении и будучи всеми отвергнут. Услышав также, что Туллий написал книгу, в которой, рассуждая о дружбе, стремился утешить достойнейшего мужа Лелия по поводу смерти его друга Сципиона, я принялся читать и ее. И хотя мне поначалу трудно было проникнуть в смысл этих книг, я наконец проник в него настолько глубоко, насколько позволяло мне тогдашнее мое знание грамматики и скромные мои способности; благодаря этим способностям я многое как бы во сне уже прозревал, что можно заметить в «Новой Жизни». И подобно тому, как бывает, что человек в поисках серебра неожиданно находит золото, даруемое ему сокровенной причиной, быть может не без воли Божией, я, пытаясь себя утешить, нашел не только лекарство от моих слез, но также списки авторов, наук и книг. Изучив их, я правильно рассудил, что философия, госпожа этих авторов, повелительница этих наук и книг, – некое высшее существо. И я вообразил ее в облике благородной жены и не мог представить ее себе иначе как милосердной. Поэтому истинное зре-